

На правах рукописи

Базаров Арсений Николаевич

ТОПОС РУССКОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Курск – 2015

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор **Когай Евгения Анатольевна**

Официальные оппоненты: **Варава Владимир Владимирович**,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный
университет», профессор кафедры
культурологии
Пыжова Олеся Владимировна, кандидат
философских наук, ГБОУ ВПО «Курский
государственный медицинский университет»,
доцент кафедры философии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Тульский государственный
университет», кафедра философии**

Защита состоится 6 ноября 2015 г. в 15.00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.104.05 по философским наукам при ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 29, к. 816).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 33).

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте КГУ:
<http://www.kursksu.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Е.А. Царева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время человечество столкнулось с тем, что кризис самоидентификации, выражающийся в непонимании собственного места в мире и, следовательно, невозможности определения конструктивной стратегии существования, превращается в глобальную проблему. Выход из данного кризиса, по сути, является отправной точкой в разрешении целого ряда политических, социокультурных и антропологических проблем современности. При этом важно обратить внимание на то, что обозначенный кризис следует рассматривать сквозь призму кризиса европейского рационализма, о котором западная философия заговорила еще столетие назад – устами О. Шпенглера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и др.

Так, Э. Гуссерль усматривает причины существующего кризиса в разрыве философии и науки. Он определяет феноменологию как трансцендентальную философию, которая в его работах выступает гарантом универсального знания. Апеллирование Э. Гуссерля к опыту повседневности, по сути, снимает противоречие между эмпирикой и предельно обобщенными научно-теоретическими построениями и обращает внимание гносеологии на феноменологический концепт «жизненного мира». *Lebenswelt* в философии Э. Гуссерля выступает единственной средой, в которой возможно подлинное познание. Непосредственно данный «жизненный мир» долгое время существовал как заповедная, личная и исключительно субъективная среда, предельно психологизирующая любое познание, поэтому он был надежно защищен от философских экспансий. Вместе с тем, нельзя не признать, что понимание того, как устроен жизненный мир человека, позволяет сформировать наиболее полные и глубокие представления о человеке, существенные для всего корпуса гуманитарных наук.

Актуальность заявленной темы становится тем очевиднее, чем отчетливее проявляют свою несостоятельность претензии теории глобализации на универсальность, подготавливая почву для развития регионализма, оборачиваясь всплесками интереса философии к ментальным пространствам, географически локализованным под влиянием уникальных, характерных только для данной местности и культурной среды, политических условий. В контексте этой тенденции открывается возможность, соответствующая осознаваемой социокультурной потребности, вести речь о русском жизненном мире как об особой среде повседневного опыта, берущей начало из обладающего самостоятельностью «царства субъективного» и находящей своё отражение в культуре, языке и хозяйственной деятельности человека.

Философия русского космизма является продуктом самобытного регионального взгляда на мир и место человека в мире, и потому может быть рассмотрена как антипод господствовавшей во второй половине XX в. теории глобализма. Актуальность идей космизма, выработанных в «философии общего дела», видится нам наиболее отчетливо на фоне сокрушительных дезинтеграционных процессов, происходящих в мире и России в частности.

Космизм, если его понимать как гуманитарную теорию, соотносимую с общечеловеческими ценностями, обладает довольно весомым консолидирующим потенциалом, напрямую касается вопросов самоидентификации человека как субъекта мирового порядка, в связи с чем, в свою очередь, также нуждается в глубоком осмыслении, что обусловило посвящение значительной части настоящей работы анализу идейного наследия русских космистов.

Интерес к топике в представленном исследовании базируется на попытке подвергнуть сомнению устойчивое представление о географических константах, детерминирующих формы государственного устройства и конструкты социального взаимодействия субъектов, заключенных в единую географическую реальность. Рассмотрение русской топики в цивилизационном контексте создаёт предпосылки для снятия назревающих в нашем обществе этнических, культурных, социальных, политических противоречий и генерирует потенциальные формы междисциплинарного взаимодействия для всего пространства гуманитарных дисциплин.

Степень научной разработанности проблемы. Интерес к изучению жизненного мира в европейской философской традиции был обусловлен кризисом классической рациональности начала XX века, который выразился в отходе ряда мыслителей от традиционной эпистемологии в духе философии природы и обратил внимание исследователей на субъективный опыт, его представление в виде понятий.

В ранней философии Э. Гуссерля, а именно в лекциях «Природа и Дух», мы впервые встречаем термин *жизненный мир* (Lebenswelt), который впоследствии распространяется на всё гуманитарное знание и разрабатывается внутри целого ряда не имеющих непосредственного отношения к феноменологии дисциплин, – таких, как психология, логика, социология и др. Наибольшее распространение концепция жизненного мира находит в феноменологии Альфреда Шюца, в работах «Феноменология социального мира», «Структуры жизненного мира», «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии». Заимствуя концепт Lebenswelt, Шюц изымает его из гуссерлианского «царства субъективного» и погружает в «царство повседневного». Опираясь на инструментарий понимающей социологии Макса Вебера, Шюц выстраивает структуру жизненного мира, основывающуюся на перманентном переживании себя в мире таким образом, что жизненный мир в его феноменологии понимается как повседневность, пространство повседневного опыта. Шюц изучает, скорее, темпоральный аспект жизненного мира в его временности, так как повседневность гораздо ближе к каждодневности, нежели к строго очерченному участку пространства.

Немецкий философ Юрген Хабермас продолжает интегрировать феноменологический концепт Lebenswelt в структуру социологического знания. Взяв за основу ключевые установки «социального действия» М. Вебера, Ю. Хабермас создает теорию коммуникативного действия, в которой жизненному миру отведена роль специфической познавательной среды как необ-

ходимого условия успешной социальной интеракции. В частности, в работах «Моральное сознание и коммуникативное действие» и «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермас показывает, как жизненный мир, будучи бес-субъектным, постоянно воспроизводится в акте коммуникации субъектами, благодаря их действиям. В более поздних работах Ю. Хабермаса, в частности, в докладе «От картин мира – к жизненному миру», мы обнаруживаем попытку вернуть Lebenswelt в его изначальное феноменологическое русло посредством противопоставления жизненного мира научным абстракциям картин мира, как возможного способа разрешения кризиса европейской науки. Впоследствии феноменологический концепт жизненного мира в преломлении к другим областям гуманитарного знания подвергается рефлексии довольно часто, особенно в рамках феноменологической социологии, – в трудах Б. Вальденфельса, П. Бергера, Т. Лукмана и др.¹.

Переходя к рассмотрению отечественных исследований, посвященных жизненному миру, следует отметить, что строгого представления концепта русский Lebenswelt именно в его национальном понимании не сложилось. Попытки поведать о русском жизненном мире, или жизненном мире русских, уводили исследователей от философского дискурса в области культурологии, этнологии, компаративистики, поскольку чаще всего они представляли таковой в виде особенностей восприятия мира носителями того или иного национального характера². Тем самым, отсутствие чёткого понимания специфики русского жизненного мира, с одной стороны, создает серьезные трудности для исследователя, с другой, – открывает широкие возможности в определении искомого концепта, к которому отечественная философия только приблизилась, но еще не смогла выкристаллизовать его в виде строгого философского понятия.

Одной из первых попыток ввести концепт «жизненный мир» в структуру отечественной социальной философии стала книга В.Г. Федотовой «Теория и жизненный мир человека»³. В российском гуманитарном знании концепция жизненного мира чаще всего используется в области социологии, психологии и педагогики. Так, в частности, в работах О.Е. Баксанского и Е.Н. Кучер⁴, а также Ф.Е. Василюка⁵ Lebenswelt выступает в качестве пространства переживания, либо в качестве специфической жизненной ситуации, выступающей условием формирования психики. Как методологическая

¹ См.: Waldenfels B. In den Netzen der Lebenswelt. Frankfurt a. M., 1985; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

² Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.

³ Федотова В.Г. Теория и жизненный мир человека. М., 1995.

⁴ Баксанский О.Е. Кучер Е.Н. Когнитивные науки междисциплинарный подход. М., 2003.

⁵ Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 3. С. 90–101.

характеристика социологии жизни концепт *жизненный мир* рассматривается в работах Н.И. Лапина⁶, Ю.М. Резника⁷, Ж.Т. Тощенко⁸.

Если рассматривать те исследования жизненного мира, в которых учитывается его связь с топикой, то картина разворачивается парадоксальная. *Lebenswelt* в отечественной гуманитарной традиции то и дело предстаёт в виде некоего абстрактного пространства: пространства образов – в работах филологов В.Н. Топорова⁹ и В.В. Абашева¹⁰, пространства ценностей – в работе Н.Н. Епифановой¹¹, пространство переживания – в работах феноменологических психологов А.Н. Улановского¹², И.Н. Шкуратова¹³. При этом трудов, рассматривающих жизненный мир через топикку собственно физического пространства, практически нет, за исключением работ В.Л. Глазычева, раскрывающего сущность русского жизненного мира через организацию устройства малых поселений в России и обращение к специфике прикладной регионалистики¹⁴.

В трудах самих русских космистов – от основоположника современной космонавтики К.Э. Циолковского до биофизика А.Л. Чижевского – корпус материалов по диссертационной теме достаточно обширен, но наибольшим интересом в контексте данного исследования обладают работы представителей философского направления космизма, – таких, как Н.Ф. Фёдоров¹⁵ и А.В. Сухово-Кобылин¹⁶. В сохранившихся отрывках рукописей книги А.В. Сухово-Кобылина «Философия духа или социология – учение Всемира» представлен диалектический взгляд на проблему пространства. В силу того, что русская топика выстраивает себя через биполярную систему векторов вертикальной направленности, заимствованное в гегельянской философии и развитое в космизме Сухово-Кобылина понятие *негации* стало отправной

⁶ Лапин Н.И. и др. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

⁷ Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.

⁸ Тощенко Ж.Т. Жизненный мир – методологическая характеристика социологии жизни // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 7. С. 9-14.

⁹ Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб., 1993.

¹⁰ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000.

¹¹ Епифанова Н.Н. Нравственные основания жизненного мира человека: философско-методологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2009.

¹² Улановский А.Н. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.

¹³ Шкуратов И.Н. Феноменологическая психология Э. Гуссерля: опыт имманентной критики // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 80-93.

¹⁴ См.: Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000 – 2002. 2-е изд., испр. М., 2005.

¹⁵ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.

¹⁶ Сухово-Кобылин А.В. Рукописи. Философские сочинения. Философия духа или социология. III том. Материалы к теме «Летание» отрывки (1875-1888). - ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп.1. Ед. хр. 154. Л. 1-6.

точкой в раскрытии ключевых механизмов функционирования структур жизненного мира.

В исследовании исходных установок сознания, на которых базируется русский жизненный мир, мы также опираемся на труды Л. Бинсвангера¹⁷ и Ж. Дюрана¹⁸.

Актуальность темы диссертации и состояние ее научной разработанности обуславливает выбор ее объекта, предмета и постановку исследовательских задач.

Объектом диссертационного исследования выступает феномен русского жизненного мира.

Предметом исследования являются топические основания русского жизненного мира.

Цели и задачи исследования.

Цель диссертационной работы – философско-культурологическая рефлексия моделей мышления, которые базируются на представлениях о гуманитарном, физическом и географическом пространстве и составляют русский жизненный мир.

В рамках достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- синтезировать представления о топике как способе пространственного мышления и области содержания общих мест;
- представить теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса как режим функционирования мысли, обеспечивающий успешную социальную интеракцию между различными субъектами языка, объединенных единой географической местностью;
- прояснить соотношение топике и *Lebenswelt*, определив топикю включенным понятием по отношению ко всему жизненному миру составляющему его пространственную основу;
- провести демаркацию обществ в зависимости от способа функционирования коммуникативного действия между субъектами, на общества закрытых и открытых типов;
- сформировать представление о вертикальном способе организации пространства как важнейшей особенности русского жизненного мира;

¹⁷ Бинсвангер Л. Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М.: КСП+, 1999.

¹⁸ Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire: introduction à l'archétypologie générale. Paris, 1960.

- обозначить корпус идей русского космизма в качестве выразителя национального вектора движения русской топики и высшей формы проявления русского Lebenswelt.

Теоретико-методологические основы исследования. Методология диссертационного исследования включает в себя такие регулятивные принципы, как системность, историчность и объективность рассмотрения постулируемой задачи. Сочетание метода реконструкционного анализа источников и философско-компаративистского подхода позволило осуществить панорамный историко-философский анализ зарождения и развития феноменологического концепта Lebenswelt в представлении философской рефлексии XIX–XX веков.

В работе задействованы также общие методы историко-философского исследования: метод контекстуального анализа источников, историко-логическое описание проблемного поля и идейных конструкций, сопоставительный анализ концептуальных конструкций.

Кроме того, диссертационное исследование опиралось на следующие подходы и методы: системный подход способствовал осуществлению анализа формирования концепта жизненного мира в контексте философского знания XX в., структурно-функциональный подход позволил провести анализ отдельных значимых для феноменологии, гносеологии и философии культуры концептов, расширяющих наши представления об организации пространства, историко-проблемный метод дал возможность рассмотрения историко-философского процесса как движимого не определенными субъектами, но теми или иными сообществами, объединенными общей топикой и характером философской проблематики; общелогические методы и приемы исследования обеспечили необходимую степень детализации на конкретных этапах исследования.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно является первым систематическим исследованием топических оснований русского жизненного мира. В диссертации сформулированы основные принципы устройства русского жизненного мира, систематизирован и дополнен и дополнен ранее имевшийся опыт построения проектов русского жизненного мира и его топических оснований. Исследование предлагает оригинальную конституцию устройства русского жизненного мира, ключевым свойством которого является идея вертикальности и логическая операция негации как основного способа его функционирования.

Научная новизна исследования раскрывается достижением следующих **основных результатов:**

- разработана совокупность идейно-концептуальных представлений о топике как области содержания «общих мест» и пространственной основе русского жизненного мира;

- установлено, что в рамках теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса объединение сообществ на определенной географической местности способствует более прочной интеграции субъектов языка;
- раскрыто соотношение топика и Lebenswelt, топика представлена включенным понятием по отношению ко всему жизненному миру, составляющему его пространственную основу.
- выявлено различие между обществами открытого и закрытого типа в зависимости от конкретного участка пространства, на котором формировалась ментальная идентичность субъектов социального действия.
- сформировано представление о способе устройства русского жизненного мира как вертикальной конструкции, состоящей из равноудаленных векторов и движимых посредством логической операции отрицания (негации);
- обозначен корпус идей русского космизма в качестве выразителя национального вектора движения русской топика и высшей формы проявления русского Lebenswelt.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Топос может быть представлен как некое дологическое пространство текстов, языковых конструкций, находящихся в потенции общих мест и ожидающих обращения актора, в речи которого они будут актуализироваться. Топос есть консолидирующий связующий фон, обеспечивающий успешную интеракцию различных индивидуумов, располагая их точки зрения в едином семантическом поле общих для них мест и дающий возможность их дешифровки. Следует указать на три основных способа понимания топоса: 1) топос как образ пространства в тексте и пространство текстов, объединённых общей тематикой; 2) топос как условие достаточного основания для производства смыслов; 3) топос как коммуникативный инструмент, отсылающий к области «общих мест» и обеспечивающий успешную социальную интеракцию.

2. Концепт топос есть системообразующий элемент, выступающий неотъемлемым условием функционирования целого ряда философских, социологических и феноменологических систем. Он значим для философии Юргена Хабермаса, ставящего вопрос о том, как может осуществляться коммуникация между различными субъектами разума, как может реализовываться взаимопонимание между различными субъектами языка. Качество интеракции, согласно Хабермасу, будет существенно выше, если коммуникативные единицы базируют свое мышление, основываясь на единой картине мира. По Хабермасу, картина мира есть нечто, что задает не просто вектор направления мышления, но и предопределяет его аксиологию, гносеологию и телеологию. Если понимать картину мира как интеллигибельное пространство, то она предстанет перед нами в качестве макрорегиона, а топосы, в свою очередь, – как пространства более локальные, включенные множества по отношению к картине мира.

3. Топос – одно из объективных, обязательных условий функционирования жизненного мира и одновременно ключ к его познанию. Lebenswelt, в силу своей субъективности и предельной интимности, надежно защищен от когнитивных вторжений в собственную динамику. Не нарушая индивидуального режима функционирования жизненного мира, топос позволяет показать Lebenswelt не как частный случай того или иного субъекта, но обозначает его познаваемость в категориях всеобщности.

4. Пространство русского жизненного мира – это интровертивная, закрытая среда, вынужденным образом являющаяся антиподом открытому европейскому площадному пространству. Отличительная особенность русской топики – принципиальная замкнутость протяженного пространства, сохраняющего возможность дальнейшего продвижения вглубь него. Природа русской топики иррациональна и выстраивает себя апофатически, т.е. указывая на свое противоречие, и обозначает себя посредством отрицания. Русская топика существует в условиях двойной негативной реакции – с одной стороны, неприятия европейских идей, которые Запад провозглашает в качестве основополагающих смыслов, а с другой стороны, негативного ответа собственным суровым климатическим и географическим условиям.

5. Устройство русского жизненного мира предстаёт в виде вертикальной, динамической конструкции, состоящей из двух взаимоисключающих, равноудалённых друг от друга векторов подземного и небесного пространства. Вертикальность русского lebenswelt – его родовая конструкция, природа его сложения. Ведущей формой движения базовых модусов структуры русского жизненного мира выступает негация как возможность преодоления пространства. Негация, содержащаяся в вещах и понятиях, является условием всякого движения.

6. Выразителем вертикального вектора в устройстве структур русского жизненного мира выступает автохтонное направление русской философии – космизм, прежде всего, в лице таких его представителей, как Н.Ф. Фёдоров и А.В. Сухово-Кобылин. В идее автокинии (самодвижения) мысль Сухово-Кобылина перекликается с идеей преодоления пространства у Николая Фёдорова. Мыслители захвачены идеей превозмогания пространства посредством освобождения от собственной материальной природы, провозглашения приоритета духовной стороны. Идея восходящего, вертикально направленного движения, как центральная мысль философии русского космизма, базируется на особенностях русской топики и неразрывно связана с идеей свободы, свойственной как русской философии, так и русскому жизненному миру в целом.

Научно-теоретическое значение исследования заключается в том, что понимание устройства русского жизненного мира и выявление его существенных характеристик позволяет обозначить пути выхода из кризиса, в который оказались вовлечены европейская наука и русская гуманитарная мысль. Топические основы жизненных миров выступают точкой опоры, столь необхо-

димой для самоопределения и самоидентификации человека в социальном культурном и политическом пространстве.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты диссертации могут быть использованы в научно-педагогической практике при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по философии, культурологии, социологии и политологии. Выводы данного исследования могут оказаться существенными в рамках реализации социальных и культурных проектов, положены в основу реформирования хозяйственной, бытовой, инфраструктурной сферы жизни общества.

Личный вклад автора заключается в попытке перенесения феноменологического концепта жизненного мира, существовавшего только в рамках западной постклассической философии, на национальную почву и его рассмотрения сквозь призму основных направлений русской философской мысли. В данной работе представлена авторская модель устройства русского жизненного мира, которая явилась продуктом синтеза разнообразных направлений отечественной и зарубежной философии. Осуществлена возможность определения жизненных миров посредством таких пространственных характеристик, как топика. Интеграция различных феноменологических концептов – жизненный мир, повседневность, горизонт – в общее представление гуманитарной науки о пространстве открывает новую грань философии русского космизма.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

- применением классических и неклассических научно-методологических подходов в раскрытии темы диссертационного исследования: историко-философского и феноменологического;
- уточнением концепта «жизненного мира» с позиции топологических характеристик.

Апробация исследования. Положения и выводы диссертационной работы получили апробацию в научных докладах, выступлениях и авторских публикациях. Результаты исследования были представлены автором на всероссийских научно-практических конференциях, форумах и конгрессах: Всероссийской научной конференции «Социокультурные процессы в современной России» (Курск, 2010 г.), VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, 2012 г.), Молодежном научном форуме с международным участием «Человек, общество, государство: история и современность» (Курск, 2013 г.), Всероссийской научной конференции «Социокультурное пространство современной России» (Курск, 2013 г.).

Диссертационное исследование обсуждалось на заседании кафедры философии Курского государственного университета и рекомендовано к защите. Основное содержание диссертации нашло отражение в 9 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структуру работы составляют введение, две главы, содержащие по два параграфа, заключение и список используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень научной разработанности проблемного поля, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, теоретико-методологическая основа, раскрывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, отражается научно-практическая значимость, личный вклад автора и апробация результатов диссертационного исследования.

В первой главе – **«Топическая составляющая структур Lebenswelt»** – раскрывается взаимосвязь топики и жизненного мира, показывается взаимообусловленность представленных концептов. Две основные константы, которые формируют структуру жизненного мира, – это пространство и время (априорные формы чувственности); топика выступает выразителем пространственной априорности, образом пространства, в котором располагает себя Lebenswelt.

В первом параграфе первой главы – **«Риторический инструментарий феноменологии в изучении Lebenswelt»** – воспроизведена генеалогия понятия *жизненного мира*, рассмотрены сопряженные с Lebenswelt концепты *горизонта* и *гештальта*. Проанализирован способ описания Э. Гуссерлем структур Lebenswelt как «царства субъективного», в котором постоянно пребывает сознание. Горизонт – неотъемлемая, общая для всех, константа этой субъективности, условная, номадическая граница познаваемости в рамках структуры Lebenswelt, а гештальт – завершенная структура этого субъективного царства, его конституция, такая форма субъективации действительности, которая формирует образ пространства в нашем восприятии, если угодно, своеобразный «генеральный план застройки». Инструментом построения гештальта выступает топика.

Очерчена генеалогия концепта *русского мира*, которая базируется на представлении мира не столько в территориальном смысле (как «участка пространства»), сколько в антропологическом и цивилизационном; обосновано определение «русского мира» как понятия феноменологического. «Русский мир» – не только условное обозначение границ русской цивилизации, но и общность, существующая в представлении внутреннего мира вовлеченных в него людей.

Дается представление о топике как о множестве «общих мест», риторических образов, составляющих наиболее обширный каталог утверждений, доопытно являющихся истинными. Несмотря на то, что топос – категория прежде всего риторическая, она в каждой своей грани несет следы своего пространственного происхождения, таким образом, появляется понятие «точка зрения», обозначая тоже своего рода общее место, находясь в котором, разные люди будут приблизительно одинаково, под одним «углом зрения», смотреть на мир/проблему/объект.

Топос охарактеризован как некое дологическое пространство текстов, языковых конструкций, находящихся в потенции общих мест и ожидающих обращения актора, в речи которого они будут актуализироваться. Сама возможность обращения к одним и тем же топосам субъектами единой языковой парадигмы делает возможным понимание высказывания другого лица. Топос есть консолидирующий связующий фон и коммуникативный инструмент, обеспечивающий успешную интеракцию различных индивидуумов, располагая их точки зрения в едином семантическом поле общих для них мест и дающий возможность их дешифровки.

Во втором параграфе первой главы – **«Значимость топоса в становлении европейского Lebenswelt»** – раскрывается зависимость способов социальной интеракции от того типа пространства, на котором она происходит. Топика, складывающаяся на определенной местности, может быть разделена на два принципиально различных типа: открытую и закрытую. Сопоставление важнейших социальных потрясений различных исторических эпох в России и Европе позволяет определить русскую топика как принципиально закрытое пространство.

Ю. Хабермас определяет общество как социально-культурную систему, которая развивается путем освоения внешней природы посредством взаимодействия с ней. Здесь, можно предположить, кроется одна из основных причин, почему топика «площади» для русской жизни не имела столь решающего значения. Площадь как географический объект существует в любой культуре и традиции как часть агломерационного устройства, и русский мир здесь не исключение, но для создания общества в европейском смысле необходимо не столь наличие самой этой площади, сколько существенная плотность людей в его границах.

Основываясь на теории Маккиндера о «Срединной Земле», мы определяем существенную особенность русской топика как принципиально замкнутого пространства, а в антагонизме с топикой «Европейской площади» обозначаем существенное отличие русского топоса как протяженного пространства, сохраняющего возможность дальнейшего продвижения вглубь него. Принципиальной характеристикой русского пространства, если рассматривать его с позиций географического детерминизма, выступает его враждебность, необжитость, что, в конечном счете, приводит к мысли о его преодолении. Русская топика по своей природе иррациональна, противоречива и обозначает себя посредством отрицания, отрицания себя в том числе. Про-

странство, которое отрицает само себя, «негационное пространство», не аннигилируется, не схлопывается, не проваливается внутрь самого себя, оно лишь отсылает к своей противоположности, конституируется через максимально удаленный от себя антипод.

Русское пространство – условие реактивного различия, и различие тем отчетливей, чем более иная природа ему противопоставлена. «Различие не есть отличное: отличное есть данное, а различие – то, через что данное есть данное»¹⁹. Русская топика уже лишь в силу одних климатических предпосылок формируется как реактивное пространство, требующее перманентной ре-активности, безусловно, в антагонизме с европейской активностью. В самой этой ре-активности заложено запаздывающее противопоставление себя акционеру и ожидание ответной ре-акции от него. Этим во многом объясняется неизбежное противопоставление русского и европейского, извечная дилемма западничества и славянофильства.

Вторая глава – **«Проекция русского жизненного мира»** – посвящена описанию существования русской топики в условиях указанной двойной негативной реакции. Идея отрицания, преодоления пространства, возвышения над ним и, в конечном счете, над собственной земной, материальной природой находит отражение в учении «всемира» А. Сухова-Кобылина, философии общего дела Николая Федорова и во всеобъемлющем корпусе текстов философии русского космизма. Идея космоса неотъемлемо связана с понятиями микрокосма и макрокосма. Есть представление о том, что космос, как определенная гармоническая упорядоченность, есть просто внутренняя часть какого-то более значительного, более широкого космоса – макрокосма. Отсюда вытекает политопосность русского мира, детерминирующей силой для русского человека будут выступать сразу несколько пространств – от микрокосма к макрокосму: мой дом – моя улица – мой город – моя страна – моя планета – мой космос.

Космизм важен для нас с точки зрения обозначения русской топики, поскольку *κόσμος* (от греч. «мир») есть гармонический миропорядок, упорядоченность всех вещей, противостоящая стихии хаоса, – изначально пространственное понятие. Порядок есть нахождение вещей на своих местах. В силу того, что космос есть мир, это также место, более того, вместительное всех мест и вещей, а значит, «общее место» в самом широком понимании.

Первый параграф второй главы – **«Нисходящий вектор движения русского жизненного мира»** – раскрывает негационную природу русской топики, выстраивающей себя в биполярной позиции к европейской топике, в частности, к топике городских площадей. Примером такого построения является «общее место» братской могилы. Топика братской могилы – довольно устойчивый и системообразующий элемент русского жизненного мира. Русское пространство, формировавшееся в условиях постоянного давления из-

¹⁹ Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк, 2008. С. 188.

вне, пережив многочисленные кровопролитные освободительные войны, оставляет довольно обширное мемориальное пространство. Национальное самосознание артикулируется в значительно большей степени под влиянием массового героизма и доблести русских воинов, нежели в активности граждан на городских площадях.

Исторически сложилось, что европейскому обществу свойственно приходить к солидарности и публично выражать собственную волю на городских площадях, для России же пространством такого рода стал окоп, который, в свою очередь, является лишь динамической фазой братской могилы. Европейцы были преисполнены готовностью погибать на своих площадях за выдвигаемые идеалы. Русский человек был готов к смерти во имя свободы, только эта дилемма разворачивалась на совершенно другом типе пространства. В пространстве окопа категории жизни и смерти, пленения и свободы предельно конкретизируются, становятся максимально предметными, максимально осязаемыми. Война – это уже явная пограничная ситуация, и человек-воин оказывается в самой границе пограничного пространства.

Братская могила – центральная часть русского мемориального пространства. Мемориальный комплекс, как кристаллизовавшееся в городском пространстве пространство русской памяти, выступал в качестве священного пространства русской топики. А если учесть количество курганов на территории России, то для советской ментальности они наделялись культовым, обрядовым смыслом, вытесняя христианские святыни, а впоследствии и смешиваясь с ними. Братская могила для топики есть не что иное, как рака с мощами святых, священный огонь – свеча, что зажигают в церкви, стелы и обелиски встроены в русскую топику. На том же самом месте, где находится алтарь, барельефы с профилями солдат выступают в качестве иконостасов; возложение венков к братским могилам – заимствованный из христианства символ, венок олицетворяет победу над грехом и мраком; триумфальные арки – аллегория царских врат, которые символизируют врата рая и т.д.

Мемориальное пространство русских «Парков Победы» есть выраженная в пространстве религиозность, исторически присущая русскому народу, и пусть эти сооружения – нововведение XX в., они отражают более глубокие и древние формы религиозного чувства, свойственные языческому миропониманию культа почитания предков и воинов. Топос братской могилы занимает исключительное место в русской топике. На первый взгляд, кажется, что погибшие много лет назад люди не могут оказывать существенного влияния на восприятие мира современниками, но для русской топики в силу её негационного качества мертвое может быть намного реальнее и существеннее, чем живое. В риторическом смысле погибшие люди в рамках русской топики обладают властью даже большей, чем живые. Братская могила стремится закрепится в русской топике как общее место.

Русская топика как семантическое пространство гармонично увязывает многие христианские символы с укладом сельскохозяйственной культуры, – в этом смысле захоронение есть предание тела земле подобно семени расте-

ния, с устойчивым представлением о восхождении его ростков для новой жизни, по сути, воскрешения. В русской архитектонике есть противоречивое, но отчетливое отождествление поля брани и пашни, только вместо зерен хлеба мы имеем дело с массовыми захоронениями, которые выступают в качестве теневой стороны мирного, трудового уклада. Следует понять, что когда мы говорим о русском поле и кургане, речь идет об одном и том же пространстве. Русское поле как символ свободы и раздолья, плодородия и богатства является таковым, пока у него есть гарант в виде обратной стороны некрологического фундамента, обеспечивающего и постоянно поддерживающего эту свободу и богатство. Братские могилы как часть мемориального пространства существуют в любой культуре, свою характерность топики получает в зависимости от того, в каком именно месте она располагает тот или иной топос.

Показано, что топос русского жизненного мира выстраивается в виде такого замкнутого пространства, которое стремится выступить площадкой для постановки принципиально вертикальной конструкции, направленной как вниз, так и вверх. Поэтому русское пространство оказывается, в противовес европейскому площадному, пространством вертикального сооружения. Вертикальность русского лебенсвелт – его родовая конструкция, природа его сложения. Феноменологический горизонт русского сознания не есть линия, лежащая на плоскости, но скорее «угол атаки», его конструкция – наклоненная ось симметрии, стремящаяся к вертикальному положению. Ротором этого процесса выступает негация, в частности, отрицание тезиса грубой материальности, собственной, в прямом смысле, приземленности, ведущей всю логическую конструкцию на новый качественный уровень.

Во втором параграфе второй главы – **«Восходящий вектор русского жизненного мира»** – характеризуется феномен летания: это реактивная форма отрицания, негации пространства, которая базируется на обязательном условии наличия вертикальности, на стремлении человека, как в физическом, так и в психическом пространстве, занять вертикальное, а значит главенствующее, по отношению к плоскости, положение. Это желание не просто свойственно человеку, но заложено в глубоких структурах его психики.

Концепция «вертикали» относится к категории пространственных конструктов и, так же как и другие универсальные концепты – время, причина, число, – находит свое проявление в сознании и языке. Как и любая концептуальная категория, пространство имеет бинарную структуру и строится на парах признаков, имеющих положительное и отрицательное значение. Анализ пространственной предпосылки жизненного мира как такового привел к выводу, что только когда субъект занимает вертикальное положение, отделяет себя от пространства и занимает по отношению к плоскости перпендикулярное положение, идет вразрез с плоскостью, он становится не равен однородной среде. Любая горизонтальная конструкция обречена слиться с пространством, стать неразличимой, а если нет этого различия, то теряется пространственная проблематика. Только наличие вертикальной конструкции может

позволить окинуть взглядом пространство. Стремление к вертикальности – феноменологическое условие столкновения с пространством как феноменом.

Мы исходим из того, что у смысла, как философского понятия, конвенциональная природа. В процессе постановки истины решающую роль играет её топическая, географическая генеалогия. В постулировании высказывания как истинного на его конституцию влияет не только принадлежность к той или иной дискурсивной практике, но и к конкретному участку пространства, что даёт нам право говорить о жизненном мире не как об общефеноменологическом концепте, а феномене специфической среды.

Жизненный мир формируется на любом участке пространства, в котором осуществляется акт мышления, в этом смысле *Lebenswelt* – унифицированное феноменологической теорией понятие. С учетом культурных, исторических и географических особенностей каждое пространство формирует свой собственный, уникальный, автохтонный, каталог «общих мест», составляя вещество жизненных миров, о которых следует говорить во множественном числе. Стремление к свободе – центральная мысль русской философии – находит свое практическое воплощение не только в теории космизма, но в практике научно-технического прорыва человека в космос в середине XX века. Полет человека в космос, с одной стороны, – продукт русской топики, с другой стороны, – её главенствующая идея.

Таким образом, мы можем обнаружить внутри миропроекта русской топики центральные части её «несущей конструкции», которой выступает бинарный модус подземного и небесного пространства: братская могила/космическое пространство – это те рельсы, на которых совершает свое движение локомотив русской топики, две стороны одной медали. В философии «общего дела» Николая Фёдорова два типа пространства – могильное и космическое – замыкаются друг на друге, соединяясь в акте воскрешения праотцов и в последующей экспансии во Вселенную.

В **заключении** обобщаются результаты исследования, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Публикации в периодических научных изданиях, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Самойлов, А. Н.²⁰ Русская топка в соотношении пространства и мышления / А.Н. Самойлов // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2014. – № 16 (187), вып. 29. – С. 225–234. (0,9 п.л.).

²⁰ С 02.04.2015 г. – Базаров А.Н. (Свидетельство о перемене имени I-ЖТ № 506458, акт о перемене имени № 32).

2. Самойлов, А. Н. Жизненный мир в европейской традиции: опыт рецепции [Электронный ресурс] / Е.А. Когай, А.Н. Самойлов // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4 (32). – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/037-011.pdf> (0,4/0,3 п.л.).
3. Самойлов, А. Н. Формирование концепции горизонта как границы топики жизненного мира в феноменологии Э. Гуссерля / А.Н. Самойлов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 6 (36). – С. 25–31. (0,6 п.л.).

Публикации в других изданиях

4. Самойлов, А. Н. К вопросу о русских жизненных мирах / А.Н. Самойлов // Социокультурные процессы в современной России: Материалы студенческих работ Всероссийской научной конференции (Курск, 22-23 апреля 2010 г.)/ Отв. ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск гос. ун-т, 2010. – С. 132-136 (0,3 п.л.).
5. Самойлов, А. Н. Пространство русского жизненного мира / А.Н. Самойлов // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3-х томах. Т. III. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – С. 368–369. (0,1 п.л.).
6. Самойлов, А. Н. Пространство культуры и пространство природы / А.Н. Самойлов // Человек, общество, государство: история и современность: Материалы молодежного научного форума с международным участием / Под ред. Е.А. Когай, И.А. Конорева. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. – С. 282-285 (0,3 п.л.).
7. Самойлов, А. Н. Концепт «Lebenswelt» и кризис европейской рациональности / А.Н. Самойлов // Социокультурное пространство современной России: Сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Е.А. Когай. – Курск, 2013. – С. 79-84 (0,4 п.л.).
8. Самойлов, А. Н. Жизненный мир в социогуманитарном дискурсе: Э. Гуссерль и Ю. Хабермас / А.Н. Самойлов // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 70–77. (0,6 п.л.).
9. Самойлов, А. Н. Русский жизненный мир: выход за пределы пространства / А.Н. Самойлов // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 91–100. (0,7 п.л.).